РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И КАК С НЕЙ БОРОТЬСЯ

Каждый, кому в жизни выпало несчастье столкнуться с опасными болезнями или серьезными травмами, хорошо понимает разницу между «стабильно тяжелым» и «критическим» состоянием. Стабильно тяжелое состояние – значит, до выздоровления пока еще очень далеко и позитивной динамики не прослеживается, но и непосредственной угрозы для жизни больного нет. Значит, пациента можно переводить из реанимации в общую палату и постепенно, шаг за шагом, добиваться этой самой позитивной динамики.

Другое дело – критическое состояние. У больного начинают отказывать жизненно важные функции организма, и без немедленного самого интенсивного лечения летальный исход практически предопределен. Тут уже последняя надежда на искусственные системы жизнеобеспечения – искусственную вентиляцию легких, искусственное кровообращение и так далее – все что угодно, лишь бы вытянуть пациента с того света.

Андрей Кортунов, генеральный директор Российского совета по международным делам (РСМД).

Следуя медицинской терминологии, можно диагностировать, что в 2015 г. российско-американские отношения оказались в критическом состоянии. После начала драматических событий на Украине были разорваны практически все контакты на государственном уровне, за исключением все более редких телефонных разговоров двух лидеров и периодических встреч глав внешнеполитических ведомств. Враждебная риторика с обеих сторон достигла такого накала, которого уже не помнят даже ветераны идеологических битв «холодной войны». В общественном мнении двух стран тоже произошли резкие сдвиги – теперь и в России, и в США воспринимают другую сторону в качестве главной угрозы национальной безопасности, более серьезной, чем угрозы международного терроризма или ядерного распространения. Впервые за многие десятилетия возможность прямого военного столкновения России и Америки перестала казаться безумной фантазией параноиков, обретя вполне реалистические сценарии и конкретные очертания.

Стремительная деградация отношений до критического состояния выглядит особенно удручающей (термин, который использовал не склонный к патетике профильный замглавы МИД РФ Сергей Рябков) на фоне нескольких лет их стойкой ремиссии, вошедшей в историю как период «перезагрузки». Увы, ремиссия оказалась не полной, а всего лишь частичной, сменившись прогрессирующим обострением.

Можно спорить о том, когда именно произошла смена тренда. Весной 2011 г., после того как силы НАТО начали военную операцию в Ливии, весьма своеобразно интерпретировав соответствующую резолюцию Совбеза ООН? Или осенью того же года, при первых признаках принципиальных расхождений между Москвой и Вашингтоном по вопросам урегулирования в Сирии? Произошел ли перелом в мае 2012-го, когда Владимир Путин вернулся в Кремль? Или точка невозврата была пройдена летом 2013-го, когда Россия предоставила убежище бывшему сотруднику ЦРУ Эдварду Сноудену, а Белый дом отменил уже согласованный официальный визит Барака Обамы в Москву?

Ясно одно: сводить все к украинскому кризису было бы упрощением. Конфликт носит принципиальный характер и касается фундаментальных представлений о состоянии и перспективах развития международных отношений, об основах нового мирового порядка, о роли великих держав

в мире, не говоря уже о демократии, правах человека и базовых ценностях. Украинский кризис спровоцировал переход болезни из латентной фазы в острую, но сама болезнь возникла гораздо раньше.

В каком-то смысле можно утверждать, что эта болезнь – генетически предопределенная, унаследованная нынешними политиками от их предшественников периода «холодной войны». Ведь даже в лучшие годы «перезагрузки» между Москвой и Вашингтоном сохранялись недоверие и взаимные подозрения, а высшее достижение тех лет – подписанный Дмитрием Медведевым и Бараком Обамой Договор СНВ-3 – в полной мере сохранял логику советско-американских соглашений о ядерных вооружениях периода «разрядки» начала 70-х гг. прошлого века. Под договором вполне могли бы стоять подписи Леонида Брежнева и Ричарда Никсона. Прорыва так и не получилось, как не получилось прорыва в экономическом сотрудничестве, в решении глобальных проблем или в урегулировании региональных конфликтов.

И было бы наивным полагать, что существует какое-то магическое лекарство, способное радикальным образом переломить течение болезни. Ни возможные компромиссы по украинским вопросам, ни предстоящая смена команды в Белом доме, ни потенциальные острые кризисы в различных точках планеты не приведут к быстрому и окончательному исцелению. По всей видимости, чтобы такое исцеление наступило, обеим странам придется пройти через длительные, сложные и болезненные процессы адаптации к новым реалиям XXI в., переоценки своей роли в международных отношениях, критического переосмысления своего прошлого и преодоления многих иллюзий и предрассудков, унаследованных от минувшего столетия. Эти процессы неизбежно растянутся на долгие годы, если не на десятилетия.

Российско-американское взаимодействие никогда не было безоблачным – серьезными испытаниями для него стали американские интервенции в бывшей Югославии и в Ираке, процесс над Ходорковским и «список Магницкого», расширение НАТО и война на Южном Кавказе. Однако нынешний кризис носит гораздо более острый, фундаментальный и всеобъемлющий характер. По всей видимости, он станет и самым длительным кризисом последних десятилетий: очевидных путей выхода из нынешней ситуации в обозримом будущем не просматривается.

ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ?

Сегодня модно говорить о начале второй «холодной войны» в мировой политике и проводить параллели между нынешним противостоянием Москвы и Вашингтона и советско-американской конфронтацией 50-х – 80-х гг. прошлого века. Данные параллели не вполне корректны: если в годы «холодной войны» отношения между Кремлем и Белым домом составляли главную ось мировой политики, то в XXI в. они являются хотя и важным, но далеко не определяющим элементом глобальной международной системы. Мир перестал быть биполярным, и вернуть его к жесткой биполярности «холодной войны» невозможно.

Кроме того, в российско-американском противостоянии сегодня отсутствует тот идеологический фундамент (коммунизм против либеральной демократии), который и предопределял «тотальность» этого противостояния. Если в современном мире и существует антагонистический конфликт цивилизаций, то уж, конечно, не между Соединенными Штатами и Россией, а между западным либерализмом и исламским фундаментализмом.

Наконец, Россия по своему потенциалу хотя и остается великой державой, но все же не является Советским Союзом и не может на равных конкурировать с Соединенными Штатами на всех направлениях, особенно – в сфере экономики и современных технологий. В экономическом плане ближайшим аналогом Советского Союза в XXI в. оказывается отнюдь не Россия, а Китай (разумеется, с той немаловажной поправкой, что сегодня между США и КНР существует глубокая экономическая взаимозависимость, которой никогда не было между СССР и Америкой и которая неизбежно сдерживает американо-китайское соперничество).

Сказанное, однако, совсем не означает, что состояние двусторонних отношений сегодня менее опасно, чем это было в период «холодной войны». Скорее, наоборот. За долгие десятилетия «холодной войны» Москва и Вашингтон смогли выработать, согласовать и зафиксировать определенные «правила игры», позволяющие снижать риски неконтролируемой конфронтации. Совместными усилиями была создана целая инфраструктура каналов коммуникаций, консультационных механизмов, двусторонних и многосторонних соглашений, призванных повысить предсказуемость и управляемость

отношений. Иными словами, система «холодной войны» была в целом стабильной, что и позволило ей сохраняться в практически неизменном виде на протяжении достаточно длительного времени.

Нынешнее положение дел стабильным никак не назовешь. Практически все каналы коммуникаций между Москвой и Вашингтоном заблокированы, договорно-правовая база российско-американских отношений разрушается буквально на глазах, общего понимания взаимоприемлемых «правил игры» в мировой политике также не существует. Объективно растут риски возникновения конфликтов в результате случайности, технических неполадок или неверно истолкованных действий противоположной стороны. На первый план все чаще выходят личностные, психологические аспекты отношений лидеров двух стран. Это становится особенно опасным на фоне роста общей нестабильности международной системы – множащихся региональных кризисов, подъема международного терроризма, сохраняющейся угрозы распространения оружия массового уничтожения и пр.

События самого последнего времени в российско-американских отношениях позволяют заключить, что в Москве и в Вашингтоне приходят к пониманию масштабов угроз, связанных со сложившейся ситуацией и ее динамикой. Достигнут определенный прогресс в двусторонних консультациях по Украине. Сдвинулось с мертвой точки взаимодействие по вопросам политического транзита в Сирии. Сохраняется единство позиций России и США в отношении иранского ядерного досье и распространения ядерного оружия на Корейском полуострове.

Однако говорить о стабилизации отношений – даже на очень низком уровне – пока еще явно преждевременно. Дополнительным осложняющим фактором является начавшаяся президентская избирательная кампания в США, которая резко сужает горизонты внешнеполитического планирования для Белого дома и увеличивает факторы неопределенности как для американских партнеров на мировой арене, так и для оппонентов Вашингтона. В целом, предпосылок для «игры на повышение» в российско-американских отношениях не так много.

Отталкиваясь от известного афоризма Отто фон Бисмарка о том, что «политика есть искусство возможного», попробуем определить, что возможно и что невозможно в российско-американских отношениях на обозримую перспективу.

ИЗ ОБЛАСТИ ФАНТАСТИКИ: СЦЕНАРИИ НОВОЙ «ПЕРЕЗАГРУЗКИ»

Судя по всему, в обозримом будущем сторонам не удастся добиться главного – восстановить доверие в отношениях друг с другом. Никакие встречи на высшем уровне, никакие «вторые треки», никакие договоренности по частным – пусть и очень важным – вопросам не решают проблемы глубокой взаимной подозрительности, не снимают с повестки дня многочисленных взаимных претензий и обид. Доверие между Москвой и Вашингтоном может быть восстановлено только на фоне совместных действий, сотрудничества в решении важных для обеих сторон проблем, а возможности для такого сотрудничества сегодня и в ближайшем будущем очень и очень ограничены.

Во-вторых, у России и Соединенных Штатов нет и вряд ли возникнет единое ви́дение основополагающих тенденций мирового развития, движущих сил этого развития, будущего мирового порядка, желательной судьбы ведущих международных организаций, реформ международного права и т. д. Между Кремлем и Белым домом – глубокие расхождения в понимании того, что является «законным», «справедливым», «этичным» в мировой политике. И в этом смысле можно констатировать «разрыв в ценностях» между российской и американской политической элитой, хотя на уровне базовых ценностей российского и американского обществ такой разрыв, на мой взгляд, далеко не столь очевиден.

В-третьих, в силу отсутствия доверия и общего ви́дения практически нереальным представляется сценарий повторной «перезагрузки» российско-американских отношений – независимо от того, кто придет в Белый дом в январе 2017 г. «Перезагрузка» стала возможной при уникальном стечении благоприятных исторических обстоятельств, но даже при этом стечении она быстро исчерпала себя, не приведя к принципиальному сдвигу в отношениях, к их переводу в новое качество. Тем меньше шансов на качественный прорыв в нынешних условиях, когда исторические благоприятные обстоятельства сменились на свою противоположность.

Гипотетически допустимо представить себе три сценария, при которых позитивный прорыв в отношениях между Москвой и Вашингтоном стал

бы реальной перспективой. Первый сценарий – фактическая капитуляция США, вызванная «имперским перенапряжением», углублением конфликта с Китаем и необходимостью сворачивания американских международных обязательств. В условиях ухода США из региона Ближнего Востока, значительного ослабления НАТО, снижения американской вовлеченности в украинский кризис, замораживания программы европейской ПРО Москва могла бы навязать Вашингтону свои «правила игры» в двусторонних отношениях. Вероятность такого сценария, по всей видимости, очень и очень невелика.

Второй сценарий строится на обратном предположении о возможной политической капитуляции или, как минимум, о стратегическом отступлении России. Дальнейшее обострение экономических проблем, усугубляемое сохранением режима западных санкций, нарастание социальной напряженности, активизация политической оппозиции – все это должно привести если не к полной смене политического режима, то, по крайней мере, к радикальному пересмотру нынешнего внешнеполитического курса Кремля, к отказу от активного противостояния Америке и к возвращению к стратегии максимального сближения с Западом образца начала 90-х гг. прошлого века даже за счет крупных односторонних уступок со стороны Москвы (условная «линия Козырева»). Как представляется, вероятность этого сценария также близка к нулю.

Наконец, третий сценарий предполагает, что в недалеком будущем Россия и Соединенные Штаты столкнутся с вызовом такого масштаба, что на фоне этого вызова их нынешние разногласия покажутся несущественными или, как минимум, не принципиальными. Сторонники данного сценария проводят аналогии с советско-американским союзом в годы Второй мировой войны, когда Иосиф Сталин и Франклин Делано Рузвельт были вынуждены перешагнуть через взаимные предубеждения и подозрения в целях борьбы с общим смертельным противником. На место гитлеровского нацизма предлагаются разнообразные угрозы XXI в. – от катастрофических глобальных климатических изменений до неудержимой экспансии международного терроризма.

Третий сценарий, на мой взгляд, заслуживает большего внимания, чем первые два. Однако и он в ближайшем будущем выглядит маловероятным.

К сожалению, появление на мировой арене крайне опасной для всех новой разновидности сетевой террористической структуры в лице «Исламского государства» не привело пока не только к радикальному повороту в российско-американских отношениях в целом, но даже к сколько-нибудь системному сотрудничеству двух стран в этом конкретном вопросе. Сотрудничество США и России в борьбе с ИГИЛ носит в лучшем случае тактический характер, причем каждая из сторон постоянно обвиняет другую в явной или скрытой поддержке их общего противника. Хотелось бы надеяться, что в будущем такое положение может измениться, но пока особых оснований для оптимизма не складывается.

Что же можно отнести к категории «возможного» в российско-американских отношениях? По всей видимости, для ответа на этот вопрос стоит обратиться к тем сферам международных отношений, где роль России и Соединенных Штатов в обозримой перспективе будет оставаться значительной и где без активного взаимодействия Кремля и Белого дома каждая из сторон будет сталкиваться с нарастающими проблемами. Понятно, что вовлеченность Москвы и Вашингтона в глобальную политику и экономику асимметрична, а степень их воздействия на те или иные сферы международных отношений не одинакова. Тем не менее сферы пересекающихся интересов достаточно велики.

ИМПЕРАТИВЫ ОБЩИХ ИНТЕРЕСОВ

Прежде всего, несмотря на расходящиеся представления о грядущем миропорядке, Россия и США не заинтересованы в обвальном и радикальном разрушении миропорядка нынешнего. Обе державы остаются игроками, в целом ориентированными на удержание глобального статус-кво. В новом миропорядке, какую бы форму он ни принял, роль Москвы и Вашингтона будет менее значимой, чем в существующем. Поэтому российско-американское сотрудничество в сохранении «несущего каркаса» современной международной системы (прежде всего, системы ООН), по всей видимости, будет продолжаться. Обе страны заинтересованы в расширении повестки дня «Большой двадцатки». Точно так же сохраняются

возможности позитивного, хотя и ограниченного взаимодействия двух стран в сохранении и развитии региональных организаций (например, ОБСЕ, АТЭС или Арктический совет).

Очевидно также и то, что Россию и Соединенные Штаты объединяет и будет объединять общее желание избежать ядерного конфликта. При всем значении ядерных арсеналов третьих стран сегодня в мире, как и в годы «холодной войны», существуют лишь две ядерных сверхдержавы, и такое положение сохранится, как минимум, до середины XXI в. При этом Москва и Вашингтон уже начали новый виток гонки ядерных вооружений, приобретающий свою логику и мощную инерцию в обеих странах.

Несложно предсказать, что стороны постараются как-то ограничить наиболее дорогостоящие и дестабилизирующие направления военного соревнования, а потому восстановление механизмов контроля над вооружениями в среднесрочной перспективе выглядит вполне вероятным. Проводя очень грубую аналогию с временами «холодной войны», допустимо предположить, что Москва и Вашингтон сейчас находятся в ситуации конца 60-х гг. прошлого века (после встречи Алексея Косыгина с Линдоном Джонсоном в Гласборо в июне 1967 г.): необходимость двустороннего контроля над ядерными вооружениями была уже очевидна, но неблагоприятный внешний фон – эскалация вьетнамской войны, события в Чехословакии 1968 г. – еще несколько лет не позволяли начать содержательные переговоры.

Российские и американские интересы совпадают и в том, что касается борьбы с распространением оружия массового уничтожения и противодействия международному терроризму. Вспомним, что активное двустороннее взаимодействие по сирийскому химическому оружию и по иранскому ядерному досье продолжалось даже в самые острые моменты украинского кризиса. Конечно, отсутствие взаимного доверия будет ограничивать масштабы и глубину сотрудничества, но тем не менее это сотрудничество, несомненно, будет развиваться – особенно в случае дальнейшей активизации террористических группировок на территории двух стран («эффект 11 сентября»).

США и Россия являются соответственно первым и вторым глобальным экспортером вооружений. Отношения в этой сфере будут преимущественно конкурентными, но задача регулирования рынка вооружений останется актуальной для обеих стран. Отсутствие эффективных механизмов такого

регулирования способно привести к серьезным негативным последствиям для американских и российских интересов.

В силу разнообразных исторических, экономических, географических и иных обстоятельств Москва и Вашингтон оказались вовлечены в многочисленные конфликтные ситуации вдоль евразийской «дуги нестабильности» – от Балкан и Ближнего Востока до Афганистана и Корейского полуострова. Российские и американские стратегии в конкретных региональных кризисах совпадают далеко не полностью, но сферы общих или совпадающих интересов, безусловно, имеются. Например, представляется крайне сомнительным, чтобы Москва поставила перед собой цель вытеснить Вашингтон с Ближнего Востока, если наиболее вероятным итогом американского ухода из региона будет разрушение региональных балансов, распад государственности и заполнение политического вакуума политическими экстремистами.

Есть и другие очевидные точки пересечения интересов двух стран. США и Россия остаются крупнейшими в мире реципиентами иностранных мигрантов. Эффективный международный режим управления миграционными потоками невозможен без активного российско-американского взаимодействия в двустороннем или многостороннем формате. Наши две страны относятся к ведущим мировым производителям энергетических ресурсов. Они несут значительную ответственность за глобальные изменения климата. Совокупное воздействие двух стран на мировые рынки продовольствия не менее значительно. Можно предположить, что сотрудничество России и США (или отсутствие такого сотрудничества) станет одним из факторов, предопределяющих успех или неудачу международного сообщества в борьбе с транснациональной киберпреступностью.

НУЖНА ЛИ ПАУЗА?

Существует мнение, что любой прогресс в российско-американских отношениях возможен только после прихода к власти в Вашингтоне новой администрации, т.е. не раньше января 2017 г. Фактически же, с учетом времени, необходимого для формирования новой президентской команды, любые сколько-нибудь важные инициативы следует отложить до лета, а то и до осени будущего года.

Насколько оправдан такой выжидательный подход? Прежде всего, не следует преувеличивать значение партийных разногласий в разработке и проведении внешней политики США. Новая американская администрация (особенно, если на выборах победит Республиканская партия) будет отличаться от своих предшественников по стилю, по тактическим решениям, но не по своему пониманию основополагающих национальных интересов. Перевернуть страницу и начать новую главу в отношениях между Москвой и Вашингтоном «с чистого листа» в любом случае не получится. Напротив, чем более существенный позитивный задел унаследуют преемники Барака Обамы от нынешних хозяев Белого дома, тем легче будет двигаться вперед.

«Российская тема» – в той мере, в какой она вообще будет присутствовать на финальном этапе избирательной кампании летом и осенью текущего года – к сожалению, будет иметь негативное для Москвы наполнение: основная полемика сведется к тому, насколько администрация Барака Обамы проявила наивность или мягкотелость в отношениях с российским руководством. Поэтому в интересах дальнейшего развития двусторонних отношений было бы в максимальной степени демпфировать эту тему, добившись хотя бы символического прогресса на двух важнейших направлениях – сирийском и украинском.

Кроме того, стремительно меняющаяся международная обстановка делает любую паузу в российско-американском диалоге непозволительной роскошью. Совершенно очевидно, что подобная пауза привела бы к дальнейшему углублению кризисных ситуаций в различных регионах мира, к повышению рисков прямого военного столкновения России и США, к усилению позиций сторонников конфронтации в обеих странах. Время играет против нас.

Над чем стоило бы начать работать в самом ближайшем будущем? В первую очередь, необходимо восстановление полномасштабного (или хотя бы максимально широкого в нынешних условиях) российско-американского диалога. На разных уровнях и с разными участниками – от военных до парламентариев, от чиновников до представителей спецслужб. Представляется очевидным, что нынешний уровень взаимодействия абсолютно не соответствует масштабам общих угроз и вызовов, стоящих перед обеими странами. Восстановление диалога – не уступка одной стороны другой, и тем более –

не одобрение политики другой стороны. Но отсутствие диалога неизбежно порождает недоверие, страхи, создает дополнительные риски.

Для восстановления диалога крайне важно приглушить враждебную риторику – хотя бы на официальном уровне. Ведь эта риторика задает стандарты для СМИ, влияет на общественное мнение, апеллирует к застарелым комплексам и темным инстинктам национального самосознания. Причем приобретает собственную логику и собственную инерцию, которую все труднее обратить вспять. Более того, когда официальная или полуофициальная пропаганда переходит «на личности», дискредитируя руководство противоположной страны, возобновление конструктивного диалога становится очень трудным, если вообще возможным.

С другой стороны, надо постараться в максимальной степени оградить сохраняющиеся позитивные аспекты российско-американских отношений от негативного воздействия нынешнего кризиса. Это касается, например, двустороннего сотрудничества по проблемам Арктики, по исследованию космоса, ряда приоритетных для обеих стран научных проектов, университетских партнерств или взаимодействия муниципалитетов двух стран. Конечно, полностью изолировать все эти аспекты от общего негативного политического фона вряд ли получится, но стремиться к этому можно и нужно.

Высокий градус российско-американской конфронтации может быть понижен за счет участия обеих стран в многосторонних форматах – таких как «Большая двадцатка», АТЭС, международные экономические и финансовые институты. Не случайно, что именно в многостороннем формате был достигнут прогресс в решении иранской ядерной проблемы, в многостороннем формате идут переговоры с КНДР, обсуждаются проблемы Сирии и так далее. Этот формат позволяет обеим странам демонстрировать больше гибкости, избегая видимости односторонних уступок друг другу и опираясь на многосторонний консенсус.

Весьма актуальным, хотя и нелегким делом, должно стать возрождение и развитие диалога российского и американского гражданских обществ. Тут, наверное, обе стороны могли бы пойти на определенные сдвиги в своих позициях: Россия – отказаться от восприятия любой американской некоммерческой организации как еще одного враждебного инструмента в руках

Госдепа или ЦРУ, а Соединенные Штаты – перестать сводить российское гражданское общество к небольшому числу своих традиционных партнеров, нередко тяготеющих к внесистемной политической оппозиции. Взаимодействию российского и американского гражданских обществ в последние годы нанесен огромный ущерб, восстановить диалог будет очень трудно, но без решения этой принципиальной задачи мы никогда не сможем добиться стабильных позитивных отношений между двумя странами.

Очень актуальна и смежная задача укрепления и развития русистики в США и американистики – в России. Профессиональные сообщества в двух странах уже давно испытывают значительные финансовые трудности, а сегодня к ним добавляется еще и деформирующий политический контекст. Грань между экспертом и пропагандистом, между академической наукой и околонаучной публицистикой становится практически неразличимой. Снижение качества независимой экспертизы или малая востребованность такой экспертизы объективно уменьшают шансы на перевод российско-американских отношений в конструктивное русло.

Выход из текущего кризиса в российско-американских отношениях – перспектива не самого ближайшего будущего. К сожалению, дело зашло слишком далеко, и инерция нынешнего недоверия, взаимной подозрительности и конфронтации будет сохраняться еще долгие годы. В нынешних условиях ближайшей задачей должны стать фиксация «дна» кризиса и изменение его динамики с негативной на позитивную. И, конечно, каждая из сторон должна извлечь свои уроки из истории последнего, крайне сложного и опасного этапа двусторонних отношений. Как любят повторять наши американские коллеги, never let a good crisis go to waste! («нельзя допустить, чтобы хороший кризис прошел впустую»).